

24.04.2002

330

12

персона

СОБЕСЕДНИК 16'2002
24 апр. — с. 12

Писательница Дарья Донцова — дама неугомонная и жизнелюбивая. С порога на меня обрушился поток информации: через два часа ей надо выехать на телевидение, куда-то пропала любимая помада, собаки опять сжевали записную книжку, после чего опрокинули пузырек с зеленкой на белый кафель ванной. Для жизнелюбия есть веская причина — пять лет назад Донцова попала в больницу со страшным диагнозом. Там и написала свои первые книги, которые вернули ее с того света. Но больничный режим она соблюдает до сих пор — встает в половине шестого утра, чтобы написать свои пятнадцать страниц. Кроме того, Дарья преподает немецкий язык, часто бывает во Франции. Да и домашние — муж, трое детей, пять собак и кошка расслабляться не дают. Потому что даже явный талант (в этом году Донцова по многим показателям переплюнула Маринину) не избавляет от необходимости готовить обеды.

«В самолетах летаю пьяная»

— Если я пишу книги, это не значит, что не пойму женщину, которая торгует у метро сигаретами, — размышляет Донцова. — Все женщины похожи друг на друга. Вы чем занимаетесь, поехавшие колготки?

— Ну, лаком для ногтей или «Моментом», если есть под рукой. Но вы-то, поди, этим не занимаетесь...

— Почему нет? Я была недавно на родительском собрании и на щелястых стульях осталась без колготок — куда мне было деваться? Пошла в туалет, заклеила, поехала дальше. Я и по магазинам хожу, и в метро езжу...

— Отчего так? У вас ведь стаж водительский — 25 лет уже.

— Это двадцать пять лет за троллейбусом — так можно определить мой стиль вождения. У меня после операции рука плохо двигается. Поэтому иногда оказываюсь на обочине. А когда выезжаю на перекресток, не задумываюсь, чье право проезда. Покорно пропускаю всех, пока дорога не опустеет. Я ужасно боюсь проезжающих машин. В общем, пришлось мне нанять шофера. Очень долго искали подходящего. Все кандидаты садились и выжимали 150. Мне оставалось только жалеть, что не прихватила с собой памперсы. В конце концов был найден Шурик, которого уволили из трех мест, потому что он больше 60 не ездит. Впрочем,

мне относился, но потом ему такая жизнь понравилась. И отец рядом, и брат появился. У них с Аркадием разница всего год. Я и Таня считаем, что мы — одна семья.

— Вы сочувствовали подруге, потому что сами были матерью-одиночкой?

— Я очень хотела ею стать. В первый брак вступила еще студенткой. После рождения сына он продержался недели три. Я стала женщиной, которая воспитывает ребенка без мужа. А это не мать-одиночка. В советское время последним давали льготы и пособие. Я заявила в собес и сказала, что хочу все эти блага получить.

Сидевшая там дама перечислила документы, которые необходимо собрать. Эти бумаги должны были доказывать, что мне неизвестно, от кого ребенок, в какой момент и с кем я его сделала и так далее. Потом оказалось, что размер пособия — шесть рублей. За эти деньги называться проституткой не хотелось. Отыскать Аркашкиного отца я так и не смогла, поэтому осталась

фото Ларисы Кудрявцевой

Дарья Донцова

пишет детективы в кровати

авиаперелеты для меня — тоже пытка.

— Как же вы во Францию, где преподаете, летаете?

— Пьяная. Раньше я делала большую ошибку — выпивала до паспортного контроля. А надо — после. Опрокинуть в себя сто грамм коньяка. Я так устроена, что эти сто грамм идут сразу в мозг, а не в желудок. Даже маленькая доза валит с ног. Мне достаточно только понюхать бокал, чтобы выпасть из реальности.

«За 6 рублей называться проституткой не хотелось»

— Говорят, один из ваших сыновей — неродной. Как он появился в семье?

— Я не сама родила Диму. Это сын моего нынешнего, третьего по счету мужа от его первой жены Тани. Причиной их развода была не я. У Тани должны были родиться девочки-близняшки от другого мужчины. Он обещал жениться на ней, но передумал. И Таня осталась одна с двумя девочками и маленьким Димой. Позаботиться о ней было некому. Мальчик стал жить между двумя домами, и мы ему всегда говорили: «Тебе повезло. У всех людей одна мама, а у тебя две». Сначала он настороженно ко

без алиментов. Жила с подругой, мы вместе работали в газете и как-то выкручивались. Нашими соседями были актер Борис Хмельницкий и его сестра. Вот если б они нас не подкармливали, мы бы умерли с голоду. Боря иногда заглядывал к нам и оставлял пару замороженных кур со словами: «Варите суп, потом вместе съедим». Но почему-то всегда забывал приходить его есть. Очень смешно.

— Ну, тогда, наверное, вам было не до смеха.

— Я с тех пор долго не могла есть мороженое в стаканчиках, с бумажками сверху, потому что по ночам ходила с подругой на фабрику и наклеивала бумажки на пломбир. Поскольку они липли к рукам, приходилось их слюнить. Сами понимаете, аппетита лакомство не вызывало. Надеюсь, теперь это делает автомат. Еще мотали какие-то клубки на почтамте, тоже по ночам. Единственная проблема была с Аркашкой, который без конца рвал ботинки.

— Второй брак вам тоже счастья не принес.

— Он распался потому, что супруг не захотел принять Аркадия как своего. Я собиралась всю оставшуюся жизнь провести вдвоем с сыном. Хотя мне было всего 25. Наступать на те же грабли снова не хотелось. Но все-таки замуж вышла и в третий раз.

«За мной даже портфель в школу носили»

— Вокруг очень много одиноких женщин. Может, они сами виноваты?

— Не думаю. У меня есть подруга, которая всю жизнь живет с одним мужчиной. Но семья там существует лишь формально. Она не выгоняет мужа из дому только из христианского милосердия и очень комфортно себя ощущает в роли жертвы. Но я не страдалица по жизни. Потом, к мужчине надо приспособливаться. И рано или поздно я себе задавала вопрос: хочу ли я это-

го? Подруга как-то дала мне совет: «Глядя на кавалера, представь, что умерла и он тебе закрывает глаза. Ты хочешь, чтобы именно он стоял у гроба?» Я представляла и говорила себе: «Нет, только не этот!» Вся жизнь человек ходит рядом, покрывается морщинами, у него вываливаются зубы, портится характер... Если вы готовы к такому варианту, значит, это ваш мужчина.

— У французенок по-другому?

— Франуженки более обеспечены. Рано замуж не выходят, а делают карьеру. Когда крепко стоят на ногах, устраивают личную жизнь. Когда наша 18-летняя девушка выходит замуж и надеется, что до конца жизни будет в шоколаде — это неправильная позиция. Такой брак долго не простоит. Я вышла замуж в 18 исключительно по глупости. Ведь раньше у меня не было никаких проблем. Папа — писатель, депутат Верховного Совета, мама — балерина, две бонны — нем-

ка и франуженка, две домработницы, дача в Перedelкино, гигантская квартира. За мной даже портфель в школу носили. На карманные расходы давали не меньше сотни. Но как только папа умер, все накрылось медным тазом. После похорон я пришла в Дом литераторов, и больше половины людей со мной не поговорились. Хотя до этого местная тусовка сломала голову бежала ко мне обниматься. На нормальную работу с приличным окладом устроиться не могла. Началась борьба за выживание. Поскольку с детства меня окружали одни писатели, я была уверена, что других профессий не существует. Носила закладки в газету Корнея Чуковского в Перedelкино, потом посещала школу юных журналистов Ясена Засурского. Мне давали очень милые задания: взять интервью у актера, поэта... И только когда пошла работать в ежедневную

Окончание на стр. 21

Окончание. Начало на стр. 12

газету, чтобы заработать на хлеб, поняла, что журналистика — тяжелый труд. Это был даже не бег, а бредущий полет над тротуаром, чтобы везде успеть и дать информацию в номер. Еще я помню жену маршала Каткова, которая угостила меня обедом из трех блюд, а с собой дала пирожки и жареную курицу (я по холоду, еле живая приползла к маршалу брать интервью). Но были и другие — писатели, актеры, художники, которые не пускали меня дальше прихожей. «Вынимайте блокнот и записывайте, что я вам сейчас скажу», — говорили они.

— До отращения к профессии дело не дошло?

— Дошло. В 1984 году муж сказал: «Завязывай с газетой». От этой работы у меня стал портиться характер. Правда, я не вызвала жалости у коллег. Если у меня в кошельке лежало 20 копеек, делала вид, что не хочу идти в редакционную «рыгаловку». Все считали, что я богачка и обедаю в Доме литераторов. У меня были белые парусиновые тапки, в которые я влезала сразу после зимних сапог. Я их покрасила черными чернилами. При виде тапок вся редакция завопила: «Где ты это достала?» Обувь промокала, хотя на ногах смотрелась красиво... Меня и в онкологии не жалели. Говорили: «Ну, с этой все понятно, она выздоравливает». И уходили.

«Моя мечта — лежать на диване в грязном халате и смотреть ТВ»

— Извините, но ваш открытый рассказ о своей болезни смахивает на саморекламу...

— Я считаю, что не имею права молчать. Очень многие женщины после диагноза рак груди просто лежат под одеялом. Они думают, что дальше — крематорий. А ведь рак лечится. Гнилые куски вырезают и назначают курс химиотерапии. Даже если болезнь на четвертой стадии, вам продлят жизнь на несколько лет. Пусть плохо, но вы будете жить! После операции к нам в палату пришла эффектная, красивая девушка, психолог по образованию. Она пыталась нас отвлечь от тяжелых мыслей. Одна пациентка ей сказала: «Уходите, вам не понять, что мы пережили». В ответ девушка стянула блузку, и мы увидели, что на ней шикарное кружевное белье, а под ним — шрамы, точно такие же, как у нас.

Однажды я проснулась и обнаружила, что осталась без волос. Аркадий при виде моей лысой головы закричал: «Мать! Только не волнуйтесь!» — и пулей вылетел на улицу. Вернулся с париком, купленным в подземном переходе. Стоял жаркий август, в метро — страшная духота. «Да пропади все пропадом!» — подумала я, стянула парик и бросила его в сумочку. Пассажиры, наверное, на всю жизнь меня запомнили. Добираться до работы во время курса лечения было сложнее всего. Я доезжала до «Тверской» — и бежала к урне. Работница метро принимала меня за алкашку. Пришлось ей сказать, что я после химиотерапии. И этой женщине вдруг стало меня жалко. Завидев в толпе мое бледное лицо, она всех расталкивала и с криком «Отойдите, граждане!» загорала своей широкой спиной. Недавно мы с ней опять встретились. Узнала меня и говорит: «А ты, оказывается, писательница! Тебя все читают! А я думала, бомжа блевотная...» Отвратительно, правда?

— Да нет... Это просится в книгу. После больницы вы по-другому относитесь к своему здоровью?

— До болезни я плавала в проруби и сидела на диете, так

как боялась располнеть, нечисто позволяла себе сладкое и алкоголь, кормила двоих детей грудью до года. Теперь, конечно, не пустилась во все тяжкие, но в проруби уже не купаюсь. Глубоко уверена, что рак — болезнь души, а не тела. Я изменилась внутренне. Стала рано вставать, чтобы все успеть. День получается длинный, как у ребенка.

На днях увидела свет моя новая книга «Улыбка сорок пятого калибра» — из серии про Дашу Васильеву. Идут переговоры о съемках телесериала по моим детективам. Скоро вый-

дут. Они прожили довольно долгую для хомяков жизнь, в тепле и сытости. Мы их оплакали и торжественно похоронили на даче.

— А как Александр Иванович относится к вашей славе?

— А как бы вы отнеслись к тому, что у вас дома живет болонка, которая вдруг запела? За три месяца в больнице я написала пять книг. Муж догворился со знакомым издателем: «У меня жена — больная, решила, что писательница, издала ей за мой счет сто книжек. Поддержи человека!» Но к этому моменту я уже отнесла свои книги в издательство «ЭКС-

Невестка иногда мне говорит:

«Ну ты и Чебурашка!»

А я действительно похожа на Чебурашку — такая же наивная, доверчивая и безответственная.

дет «Кулинарная книга лентяйки», где собраны любимые рецепты — вкусные, простые в приготовлении блюда из доступных продуктов. Но знаете, какая у меня мечта? Лежать на диване в грязном халате и смотреть телевизор. На сегодняшний день это совершенно невозможно.

— Хорошо иметь свекровь с таким характером! Наверное, невестка вас мамой называет...

— Скажете тоже! Иногда она мне говорит: «Ну ты и Чебурашка!» А я действительно похожа на Чебурашку. Такая же наивная, доверчивая и безответственная. Согласитесь, немного странные черты характера для взрослой женщины.

«Мужикам стыдно признаваться, что они читают бабский детектив»

— Вы пишете, что есть четыре типа мужей: алкоголик, бабник, ревнивец и лентяй. Ваш муж — декан факультета психологии МГУ Александр Донцов относится к какому типу?

— К пятому. Мне повезло с мужем.

— После 18 лет брака можете с ходу назвать три положительных качества супруга?

— Могу и больше. Александр Иванович неконфликтен. Поругаться с ним трудно, даже если хочется. Он реализовался в своей профессии. Он не будет привязываться, если в доме беспорядок или если собака на его подушке съела печенье.

— По-моему, вы и сами кулаком по столу не стучите. Как Маша учится при таком мягком воспитании?

— Прекрасно. Чтобы получить отличницу, гордость класса, надо для начала помучиться с двумя мальчиками-двоечниками. Правда, один из них вырос в кандидата наук. Другой стал очень хорошим страховым агентом. Я пыталась бороться с ленью сыновей, но она победила. У меня плохо получалось воспитывать. Когда я начинала читать нотацию, дети спрашивали: «А сама?» Складывая восемь и семь, я получала разные результаты, а после того, как подсчитывала данные счетчика, прибегали тетеньки из электросети и топали на меня ногами. По математике у меня была круглая двойка. Когда я бью кулаком по столу, невестка мне говорит: «У тебя тушь размазалась». Аркадий советует: «Мусёк! Съешь пирожное — диеты до добра не доводят!» А Машка реагирует просто: «Мам, забей! Все равно никто здесь лучше не станет». Так что объект воспитания — это я. С домочадцами ничего не могу поделать — их слишком много.

— У вас, кажется, еще хомяки были. Что-то их не видно.

— Билли, Вилли и Милли, к сожалению, почтили в

МО». Теперь тот издатель жалеет, что не успел меня напечатать. Муж гордится мной, как папа, который воспитал ребенка. Один раз он пришел к ректору на прием. Секретарша по громкой связи докладывает: «К вам Донцов». А в университете два преподавателя с такой фамилией. Ректор спрашивает: «Какой? У которого жена детективы пишет?» Александр Иванович перекосялся.

— В магазинах люди к вам подходят?

— Недавно узнали в супермаркете. Я всех желающих построила в ряд и стала раздавать автографы. Подошел мужчина и спросил: «Что дают?» Ему ответили: «Донцова подписывает книжки». «Бесплатно?» — поинтересовался он. Мне кажется, когда знаменитости говорят, что внимание посторонних тяготит, они врут.

— Вам приятно, когда мужчины вас читают?

— Раньше я видела свои книги у мужчин, обернутые в газету. Видимо, им стыдно признаваться, что они читают бабский детектив.

— Вам ведь пришлось столкнуться с дискриминацией еще в 1979 году, когда вы принесли свою первую книжку в журнал «Юность»...

— Редактор прочитала рукопись и сказала: «Мне понравилось. Но женщины у нас детективы не пишут. Ты напиши что-нибудь про рабочий класс». В те времена было много других негласных запретов. Например, нельзя было писать больше одной книги в год. Поэтому многие писатели вторую книгу — не детектив, конечно — издавали под именем жены.

— Времена теперь другие, но некоторые коллеги-мужчины настроены решительно. Недавно драматург Михаил Волохов подал на вас в суд. Он считает, что заголовок первой книги — «Игра в журики» — попросту передрали у него. В 1989 году у Волохова вышла пьеса под таким же названием.

— А еще задолго до Волохова свою «Игру в журики» написал Станислав Лен. Мои издатели шутят: если так рассуждать, то Пушкин мог бы предъявить иск Толстому по поводу «Кавказского пленника», а Толстой — режиссеру Бодрову-старшему. Конечно, я обалдела, когда получила повесть. Наверное, надо иметь ушербное «я», чтобы счесть такое название книги великим и неповторимым. Я охотно верю, что драматург Волохов талантлив, хотя мы незнакомы. Заголовок «Игра в журики» придумала дочь Маша. Кстати, в издательстве он не понравился и роман вышел под названием «Крутые наследники», которое, в свою очередь, не приглянулось критике. Следующему изданию вернули первоначаль-

ный заголовок. На днях я решила назвать очередную книгу «Лысая птичка счастья». Теперь думаю, не существует ли где-нибудь произведения под таким «оригинальным» заголовком.

— Немногие знают, что писательница Донцова — член Союза писателей. Как вам удалось получить это звание? Ведь не секрет, что профессиональные литераторы относятся к детективному жанру без трепета, мягко говоря.

— Я не очень-то и хотела туда вступать. Но у моей мамы была мечта — чтобы ее ребенок стал членом Союза писателей. Отец долгое время был секретарем этой организации. Три года назад я зашла в союз и обнаружила там множество знакомых лиц. Женщин, которых знала еще в детстве. Встреча была теплой. «Даша, как ты выросла!» — примерно такая у них была реакция. Поскольку по количеству изданных книг я Союзу писателей «подошла», то проблем с членством не возникло.

— Сейчас писательниц хвалят. В ваших книгах много хвалебных «реверансов» в сторону коллег.

— Если я действительно их люблю! Никогда не забуду, как оказалась на книжной ярмарке с первым детективом. Я сидела

одна возле пачки книг в надежде, что кто-нибудь подойдет. Рядом в толпе двумя руками раздавала автографы Маринина. И вдруг она повернулась, увидела меня, оценила ситуацию и сказала: «Дашенька, мне так понравилась ваша книга! Подпишите!» И толпа побежала в мою сторону. Я уверена, что тогда Маринина меня не читала. Но она увидела возле себя перепуганную женщину в обнимку с единственной книжкой — и протянула руку помощи.

— А что, конкуренции вообще не существует среди писателей?

— О конкуренции может говорить тот, кто пишет один детектив в год. Если появится еще 20 женщин-авторов, будет только лучше. Пусть они пишут. А люди — читают. У нас такая огромная страна!

— Похоже, детективов Донцовой на нашу жизнь хватит. В сентябре у вас выходит новая серия «Букет прекрасных дам», в которой главный герой — мужчина. Имя у него тоже смешное?

— Его зовут Иван Павлович Подушкин.

— Трудно было писать от лица мужчины?

— Совсем нет. Мы намного больше похожи, чем принято думать.

■ Надежда Келлер.

Здесь только часть большой семьи Донцовой: сын, невестка и внук

фотограф Валерий Плотников

кстати

● Всего перу Дарьи Донцовой принадлежит 39 книг, издано 28, остальные 11 ждут своей очереди. На создание одного детектива уходит примерно 45 дней. Писательница признается, что хочет переплюнуть Барбару Картленд, которая сочинила около 900 романов. Однажды Донцова заявила, что может писать по две книжки в месяц. Но издатели опасаются, что у них не хватит бумаги.

● Когда выходит новая книжка, Дарья Донцова прячет ее под подушку — на счастье.

● Дочь Донцовой Маша обожает мамины произведения. Во время чтения она расставляет в рукописи запятыя.

● Писательница до сих пор не пользуется компьютером. «Я начала писать в больничной палате, а под капельницами машину не поставишь», — объясняет она. По больничной привычке Донцова до сих пор пишет в кровати, в полусидячем положении.